

Тибет: последняя пастораль Земли

Е.А.Коблик, А.А.Банникова,
кандидаты биологических наук
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
А.А.Махров, Б.И.Шефтель, В.В.Бобров, В.С.Артамонова,
Д.Ю.Александров,
кандидаты биологических наук
Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н.Северцова РАН

Озеро Ямджо-Юмцо.
Здесь и далее фото авторов

Самое высокое и недоступное

«В самом сердце Азии простирается между двумя величайшими в свете хребтами Кунь-Лунь и Гималайским крупнейшее и высочайшее на Земле Тибетское нагорье. Средняя высота его доходит до 4000 м, а на северных окраинах даже до 4600 м и таким образом соперничает на пространстве 2 000 000 км² (почти в три раза больше Скандинавского полуострова) с высочайшими вершинами Альп», — так писал про Тибет знаменитый шведский путешественник Свен Гедин [1].

Если бы не точные цифры, можно было бы подумать, что речь идет о мифической стране, отгороженной от всего света самыми высокими в мире горами. Подсознательно и ныне большинство людей относится к Тибету как к недоступному сказочному месту, Шамбале — стране духов. И мы, побывав в самых разных странах и даже имея опыт исследований на северо-востоке и крайнем юге Тибета* [2], не могли поверить, что однажды проникнем в самое сердце этого нагорья.

Даже по нынешним меркам это непросто. Ведь до нас, как писал П.К.Козлов: «в запретную дверь Тибета тщетно стучались Пржевальский, Кэри, Литльдэль, Бонвало с принцем Орлеан[ским], Свен Гедин и другие путешественники» [3, с.3]. Да и сам Петр Кузьмич Козлов тоже не добрался до священной столицы Тибета — Лхасы, хотя и установил хорошие отношения с Далай-ламой.

Вот почему мы отгоняли мысли о Лхасе, складывая рюкзаки в Москве, а потом совершая авиабросок из Пекина в географический центр Китая — провинцию Ганьсу. И продолжали сомневаться даже тогда, когда в столице Ганьсу, Ланчжоу, гостеприимные китайские коллеги заверили нас, что «предпринято все возможное».

И вот мы уже в поезде и даже видим из окна знаменитое бессточное озеро Кукунор. Но тут выясняется, что разрешение на посещение нашей группой Лхасы пока не получено. В три часа ночи экспедиция высаживается близ административной границы Тибетского автономного района, в котловине Цайдам, г.Голмуд, что подсознательно кажется нам логичным — почему нам должно повезти больше, чем Пржевальскому?

По примеру великого путешественника нам остается исследовать тот край, куда попасть удалось и который представляет собой своеобразный переход от гор к пустыне. Цайдамская котловина напоминает почти опустевшую тарелку с солью (раньше такие бывали в столовых) — окру-

* Подробнее см.: Шефтель Б.И., Махров А.А., Бобров В.В., Артамонова В.С., Александров Д.Ю., Коблик Е.А., Банникова А.А. Затерянный мир «Лианхуашаня» // Природа. 2013. №7. С.56–65. — Примеч. ред.

© Коблик Е.А., Банникова А.А., Махров А.А., Шефтель Б.И., Бобров В.В., Артамонова В.С., Александров Д.Ю., 2014

Ягоды Гонджи.

женное горами сухое ровное пустое пространство, где только у подножий гор видны солевые разводы. К одному из них мы и отправились.

В подобных местах выходят на поверхность ключи, начинающиеся в горах. Они поддерживают своеобразные экосистемы соленых болот и озер, и оказалось, что здесь, в солоноватой воде, умудряются жить некрупные прудовики.

За протекающим в низине небольшим ручьем открылись посадки какого-то растения, похожего на обычный красный паслен. Грядки пыльно-зеленых кустиков, усыпанных продолговатыми алыми ягодами, уходили вдаль стройными рядами, почти сливаясь с мутным горизонтом. Ягоды оказались очень сладкими на вкус, а коллега Фанг Юн объяснил, что это знаменитые ягоды Гонджи *Lycium barbaratum* из семейства пасленовых, они необычайно полезны для «мужского здоровья» и высоко ценятся по всему Китаю. В целях защиты от пернатых любителей сладкого плантации были разгорожены километрами белесых паутинных сетей, развеивающихся между покосившимися жердями. В сетях то и дело попадались мумии запутавшихся полевых воробьев (*Passer montanus*), которые напомнили нам знаменитый период тотального истребления этих пернатых в Китае. Реже встречались пучки пестрых перьев, принадлежавшие удодам (*Urupa eops*) и сорокопутам (*Lanius*), а вот голуби (*Columba livia*) беспрепятственно проникали на плантацию целыми стаями и уносили немалую толику бесценного урожая в своих зобах. Один из участников экспедиции, сторговавшись с крестьянином, сторожившим ягоды, разложенные на полиэтилене для просушки, насыпал себе хороший пакет.

К вечеру мы вернулись в городок Голмуд — не очень большой по меркам Китая, но чистый и аккуратный, с вполне европейскими прямыми улицами и вполне восточными кафе-лапшарнями.

Стыдно признаться, но мы не сразу нашли город на карте. Оказалось, что у него несколько названий — каждый из живущих здесь народов использует свое имя. Вот и на карте Пржевальского мы с трудом обнаружили в районе, куда занесли нас превратности путешествия, «урочище Голмык».

Позже оказалось, что и на картах всевидящего и суперсовременного Google нет целого ряда китайских поселков и дорог! Современный Китай отстраивается настолько быстро, что никакие картографы не успевают запечатлеть все новые и новые шоссе, небоскребы и промышленные предприятия, вырвавшие из нищеты сотни миллионов человек.

В Голмуде мы с радостью узнали, что наш китайский коллега Фанг Юн, замечательный организатор, добыл все нужные бумаги, и мы можем прямо сейчас отправляться в Лхасу! Нам предстояло двигаться по маршруту пятого, несостоявшегося, путешествия Пржевальского — перевалить через горы Кунь-Лунь, пересечь знаменитое плато и добраться до столицы Тибета.

Только вот по древнему караванному пути мы путешествовали не на яках и даже не на грузовиках. Теперь здесь проходит новенькая скоростная железная дорога, где поезда оснащены специальной аппаратурой, подающей в вагоны кислород (нам предстояло преодолеть перевал на высоте более пяти тысяч метров). Вынужденная остановка в Цайдаме, на этом гигантском «крыльце» каменного «дворца» — Тибета, оказалась весьма кстати: за сутки мы успели адаптироваться к среднегорью, и очередной подъем дался нам легко.

Зверинная страна

Монголы, жители Цайдама, называли Тибет «зверинной страной». Россиянин Филипп Ефремов, попавший в Тибет еще в XVIII в., писал, что в его северной части «водятся великими табунами дикие лошади» [4]. По словам Н.М.Пржевальского, в конце XIX в. здесь паслись огромные стада диких яков, куланов, антилоп — оронго и ада (современное название — тибетский дзерен), из хищников встречались медведи и волки [5, 6]. При этом звери практически не боялись человека: немногочисленные местные жители охотились очень редко, и никогда не убивали животных без крайней необходимости.

Довольно высокая численность крупных зверей на такой большой высоте отчасти связана с необычным климатом плато. Только летом пришедший с океана муссон пробивается через горы и приносит в Тибет дожди. В остальные сезоны здесь мало осадков — снег зимой почти не выпадает, и копытным есть где пастись в любое время года.

Равнины северного Тибета, где так много растительноядных животных, напоминают то ли степь, то ли тундру, переходящую местами в кочковатое болото. Поневоле вспоминается тундростепь (в западных источниках ее иногда называют «ма-

Действующая модель тундростепи?

монтовой прерией»), о которой так много спорят в научной литературе [7, 8]. Считается, что эта экосистема исчезла [8], но не она ли, несколько видоизменившись, существует донныне на севере Тибетского плато? Во всяком случае, тут налицо такие характерные черты тундростепи, как сухой и холодный климат, а также интенсивное воздействие крупных млекопитающих на растительность.

В свое время Филипп Ефремов написал, что в древности эту часть Тибета называли «страной слонов», но никто из специалистов не воспринимал эти слова буквально. И вот совсем недавно появилась совместная работа китайских и зарубежных палеонтологов, опубликованная в одном из ведущих научных журналов [9]. Эта статья описывает находку в северных предгорьях Гималаев ископаемых останков шерстистого носорога (*Coelodonta tibetana*) — предка носорога *C.antiquitatis* — типичного обитателя тундростепи. А новейшие генетические исследования показывают, что як (*Bos mutus*) — ближайший сородич другого представителя так называемого «мамонтового сообщества» — бизона (*Bison bison*) [10].

Чем выше мы оказывались над уровнем моря и чем глубже проникали в центр Тибетского нагорья, тем самобытнее становились ландшафты вокруг поезда и тем интереснее их обитатели. Сумерки застали нас среди скучной равнины с ота-

рами овец и стадами домашних яков, а на восходе мы любовались инеем, искрящимся под лучами низкого солнца; мягкими степными увалами, переходящими в величественные горные цепи. Начали попадаться группы грациозных газелей — тибетских дзеренов (*Procapra picticauda*), а также более редких и необычных антилоп оронго, или чиру (*Pantholops hodgsonii*). Для оронго характерны вздутые почти как у сайгака носы, а их самцы щеголяют длиннейшими, почти прямыми рогами. Эти антилопы — настоящий символ Цайдама и северного Тибета, в гостиницах висят их фото, на площадях установлены стилизованные скульптуры, а в магазинчиках они продаются в виде мягких игрушек и фигурок из твердых материалов. Наконец-то мы увидели их живьем!

А вот и кианги! Дикие ослы, похожие на своих родственников — знакомых нам по Средней Азии, Монголии и Индии куланов, но более коренастые, мохнатые и контрастно окрашенные. Еще недавно кулана и кианга объединяли под именем *Equus hemionus*, но сейчас последнего выделяют в самостоятельный эндемичный для Тибета вид *E.kiang**. Честно говоря, никто из нас не ожидал увидеть из

* Подробнее см.: Паклина Н.В., Орден К. ван. Кианги и другие обитатели Тибета // Природа. 2000. №1. С.40—49; №2. С.35—44. — Примеч. ред.

Пейзаж в центре Тибета.

окна поезда такое разнообразие диких копытных. Некоторые животные при виде состава, несущегося по насыпи, отбегали подальше, другие замирали, вскинув головы, а многие продолжали преспокойно пастись. Детеныши киангов, совсем как домашние жеребята, носились вокруг флегматично жующих матерей, жизнерадостно взбрыкивая и поднимая облачка пыли, золотящейся в косых солнечных лучах. Казалось, мы вернулись во времена Пржевальского!

Наблюдать из окон скоростного поезда за более мелкими обитателями высокогорий было сложно. И все же мы замечали то кормящиеся по берегам озер табунки горных гусей (*Anser indicus*), то пару редчайших черношейных журавлей (*Grus nigricollis*), кстати, открытых и описанных Пржевальским, то деловито бегущего волка (*Canis lupus*), сначала принятого нами за пастушескую собаку. А на ближнем плане то и дело мелькали россыпи нор — настоящие городища, населенные пищухами, или сеноставками (род *Ochotona*) — небольшими зверьками, похожими на грызунов, но на самом деле — родственниками зайцев и кроликов. Обилие добычи привлекало хищников: в кочкарнике лениво «мышковала» тибетская лиса (*Vulpes ferrilata*), а параллельно нашему пути периодически пролетали соколы балобаны (*Falco cherrug*), высматривая зазевавшихся жертов.

Удивительно, но высокогорная железная дорога почти не повлияла на образ жизни диких животных. На большей части своего пути, протяженностью почти 2000 км, Цинхай-Тибетская железная дорога проходит по высокой эстакаде, опорой которой служат узкие бетонные столбы, а на равнинах железнодорожное полотно обязательно огорожено вполне добротным забором.

Мы все одной крови

Продвигаясь по «тундростепи», поезд незаметно преодолевает великий водораздел: просто в какой-то момент вдруг замечаешь ручеек, текущий уже не на север, к Тихому, а на юг — к Индийскому океану. А потом ручеек превращается в речку и образует глубокую долину, на дне которой появляются поля и деревья. Мы прибываем в Лхасу!

Конечно, прежде чем лезть в горы и спускаться в долины в поисках животных, мы не могли не посмотреть этот город, овеянный легендами, не поглядеть на памятники культуры и удивительных людей.

Город очень интересен, в центре преобладают старинные, но хорошо отреставрированные трехэтажные здания, а по периферии — новостройки. Но большинство новых домов создано с уче-

том традиционной архитектуры Лхасы. Гармония не нарушена, и весь город выглядит как единое целое. Дополняют колорит старинные буддийские монастыри и, конечно, знаменитый дворец Потала, зимняя резиденция Далай-ламы. Хотя сейчас в нем музей, но проходя по комнатам дворца, буквально ощущаешь таинственную историю этого места. Азиатская красочность города с его многочисленными базарчиками и магазинчиками, с зазывалами и торгующимися продавцами сочетается с чистыми улицами и приветливыми лицами людей. В результате, несмотря на большую высоту над уровнем моря (3500 м), возникает ощущение легкости и хорошее настроение.

Но нас как биологов очень интересовали птицы города. Оказалось, что в Лхасе многочисленна и, судя по литературе, живет постоянно, наша хорошая знакомая по сибирским путешествиям — большая горлица (*Streptopelia orientalis*), а на дворце Потала обитают сразу два вида ласточек: восточный воронок (*Delichon dasipus*) и скальная ласточка (*Ptyonoprogne rupestris*). В небе над Лхасой плавали вороны (*Corvus corax*), коршуны (*Milvus migrans*), канюки (*Buteo buteo*) и грифы (*Aegypius monachus*, *Gyps himalayensis*), в парках держались удопы (*Upupa epops*), воробьи (*Passer montanus*) и синицы (*Parus cinereus*).

Выдубленные солнцем и ветрами широкоскулые лица местных жителей, их длинные черные косы и кражистые фигуры, а также широкополые шляпы, пестрые домотканые накидки и фартуки вызвали у некоторых из нас воспоминания о совсем других краях. По облику, одежде, многим особенностям быта тибетцы удивительным образом напоминают индейцев андских высокогорий из народностей кечуа и аймара! Конечно, это вполне объяснимо с позиций сходства природных условий и типов хозяйствования, но не будем забывать, что согласно исследованиям лингвистов, именно языки тибето-бирманской семьи имеют с индейскими языками давние общие корни.

Очень скоро мы почувствовали, как сильно связаны в Тибете люди и животные. Думается, никто в мире не любит зверей, птиц, рыб и даже змей так горячо и искренне, как жители этого сурового плато, много веков имевшие репутацию отважных и даже жестоких воинов. Любой кусочек земли, пригодный для обработки, имеет в горах огромную ценность, но даже в густонаселенных долинах Тибета были заповедные леса (обыч-

Первые ученики Будды.

но вокруг буддистских храмов), где запрещалась охота, и где звери жили привольно, не боясь человека. А птиц и рыб тибетские буддисты не ловят никогда, они священны.

Для буддиста нет пропасти между человеком и животным: во всех храмах, в общественных местах, и даже над дверями собственных комнат в местном отеле мы видели изображение двух оленей — первых учеников Будды, сумевших остановить колесо Дхармы и уйти в Нирвану. Справедливости ради надо сказать, что сюжет с двумя оленями издавна известен и на Руси — на наших вышивках очень похожих оленей изображали по краям «древа жизни» или женской фигуры, иногда такими фигурами украшали прялку или детали ткацкого станка [11]. Смысл этих языческих изображений, к сожалению, частично утрачен, но они как-то символизировали движение времени, череду перерождений, которую по легендам Тибета удалось остановить четвероногим ученикам Будды.

Не удивительно, что тибетцы задолго до Дарвина пришли к идее происхождения человека от обезьяны [12]. Надо подчеркнуть, что это не обычный тотемизм, когда какое-то племя считает то или иное животное своим предком и поклоняется ему. Судя по наблюдениям П.К.Козлова [13], тибетцы относятся к обезьянам не как к глубоко почитаемым предкам, а как к младшим, еще не набравшимся ума-разума братьям — никогда не убивают, но иногда поселяют у себя дома, предварительно отрубив хвост — возможно, в надежде «очеловечить».

Отношение тибетцев к домашним животным совершенно особое. Например, практически в каждой семье содержится собака характерной

породы — тибетский терьер. Эти некрупные домашние питомцы на самом деле очень серьезные и строги, тибетцы относятся к ним с любовью, держат в домах, поручают им своих детей. Во время поездок в горы мы видели на пастбищах яков, украшенных яркими ленточками — кто-то очень любит этих мохнатых великанов. Иногда яков даже не гонят на пастбище, а везут туда поодиночке в маленьких грузовичках. Но без мясной пищи прожить в холодных горах невозможно, и пельмени с начинкой из мяса яка (их называют «мо-мо») — традиционное блюдо в Тибете.

Тибетцы не только очень любят, но и хорошо знают животных, успешно их разводят и умеют правильно скрещивать. Кроме мулов, мы не раз встречали в Тибете гибрида яка и домашней коровы (в северном Тибете, как и в Монголии, его называют хайнык). В прежние времена этот могучий зверь шел впереди каравана, пробивая дорогу через снега. В некоторых научных изданиях можно прочесть, что хайнык не плодовит, однако тибетцы умудряются получать потомство и от него. Правда, в третьем поколении гибридов уже появляются бесплодные особи, поэтому дальше второго поколения гибридизацию обычно не ведут.

Вид на долину Цангпо с перевала Камба-ла.

Брахмапутрская сикилявка и другие

К сожалению, любовь к животным не всегда оказывается благом для уникальных экосистем. В праздничные дни тибетцы выпускают в реки и озера рыбок. Для этой цели в магазины специально завозят рыб из других районов Китая [14]. Так в уникальные водоемы Тибетского плато попадают новые виды, в том числе те, которые активно размножаются и сильно изменяют сложившиеся сообщества [15].

С таким вселенцем мы столкнулись, когда для ихтиологических наблюдений отправились на юг от Лхасы, в долину реки Цангпо (в старых работах иногда пишут «Цань-по»). К югу от Гималаев эта великая река имеет знакомое с детства название — Брахмапутра. Но здесь, в Тибете, она напомнила нам скорее Иртыш или Обь в верхнем течении — широкие плесы, мелкие бурные перекасты, намывные песчаные косы и острова, по-осеннему золотящиеся рощи по берегам.

В луже, образовавшейся при подаче воды на поля через небольшой оросительный канал, связанный с Цангпо, мы обнаружили двух мелких невзрачных рыбок, которых решили отмыть от ила

и определить позже, в лаборатории. До этого они фигурировали в полевом дневнике как «брахмапутрские сикилявки». Морфологический и генетический анализ отмытых рыбок показал, что это амурский чебачок (*Pseudorasbora parva*) [16]. Эта небольшая рыбка в последние годы расселилась далеко за пределы естественного ареала, включающего, кроме бассейна Амура, реки западного побережья Японского моря и Японии, стала обычна для многих стран Европы и Азии, а теперь вот попала и в Тибет.

Стремительное экономическое развитие Китайской народной республики было бы немыслимо без развития инфраструктуры — строительства дорог, оросительных каналов, линий электропередач, вышек мобильной связи. Но такое строительство открывает путь на труднодоступное прежде плато все новым видам растений и животных из других регионов. А ведь чужеродные виды часто преобразуют экосистемы, вытесняют или просто поедают исконных обитателей.

Кроме того, по мере роста уровня жизни людям требуется все больше ресурсов. В 1882 г. путешественник Сарат Чандра Дас [17, с.182], поднявшийся на перевал Камба-ла, писал: «я любовался грандиознейшим видом, который я когда-либо встречал в Тибете. Передо мной открывалась долина Цань-по, причем эта большая река текла по глубокому ущелью у подножия покрытых лесом гор». Нам тоже удалось полюбоваться этим замечательным местом, но, как видно на фотографии, лесов в этой части долины Цангпо уже не осталось (их нет уже на фотографиях 1930-х годов). Зато деревня у подножия перевала — это не «жалкие лачуги», как во времена С.Ч.Даса, а каменные двухэтажные дома на одну семью, благодаря флагам на крышах похожие на небольшие замки (только флаги, конечно, красные).

Отметим, однако, что сейчас по всему Китаю осуществляется обширная программа лесовосстановления, так что скоро, видимо, и горы над Цангпо снова покроются лесами. Кроме того, древние обычаи до сих пор защищают часть экосистем от истребления. Например, некоторые горы считаются священными и осваиваются только в исключительных случаях. Крупные озера также священны, в них нельзя даже заходить. Конечно, для нас было большим огорчением то, что не удалось увидеть эндемичных рыб из озер Намцо и Ямджо-Юмцо — огромных, с неправдоподобно синим водяным зеркалом в живописном обрамлении горных хребтов. С другой стороны, отрадно было, что традиции, защищающие природу, соблюдаются, и как бы нам ни хотелось познакомиться с местной ихтиофауной, мы не стали их нарушать.

Однако поездка к озеру Ямджо-Юмцо, расположенному на высоте около 4500 м над ур.м. между высоченным перевалом Камба-ла и еще более высокими Гималаями, и без лова рыбы оказалась интересной. Ямджо-Юмцо — одно из четырех на-

Высокогорный скорпион.

иболее почитаемых озер Тибета, вокруг которых паломники совершают кору — ритуальный обход. Длина озера — 73 км, так что совершить кору за отведенные нам пару часов вряд ли удалось бы в любом случае, но вот побродить по его берегам и посмотреть на живность, которая тут обитает, времени было достаточно.

Медленно продвигаясь по берегу озера, тщательно переворачиваем камни в поисках обитателей этих мест, и под одним из них обнаруживаем скорпиона. Причем, довольно крупного. Это для нас полнейшая неожиданность. Найти скорпиона во время полевых работ в пустынях Средней Азии или в тропических лесах Индокитая — это сколько угодно, но никто не ожидал встретить его на такой высоте. Из статьи французского и сингапурского коллег узнаем, что скорпионы на Тибетском плато встречаются, хотя обычно — на меньших высотах [18].

Возможно, скорпионы продвигаются высоко в горы из-за особенности климата, отмеченной еще Пржевальским, — на Тибетском плато значительно теплее, чем на отдельно стоящих горах такой же высоты. Не случайно в Тибете существует самое высокогорное в мире земледелие (здесь возделывают в основном ячмень).

Необычные воробьи и удивительные синицы

Самым благодатным объектом для исследований на «крыше мира» оказались птицы. За неделю пребывания в Тибете и Цайдаме мы встретили более 60 видов пернатых. Многие из них оказались общими с Россией, особенно ее южными горными регионами — Кавказом, Алтаем, Саянами. Степные пространства населяли разнообразные жаворонки

Воробей Бланфорда.

Черногубая пищуха.

(*Calandrella*, *Alauda*) и коньки (*Anthus*). На скалах можно было наблюдать альпийских галок (*Pyrrhocorax graculus*), клушиц (*Pyrrhocorax*), каменок (*Oenanthe*), горихвосток (*Phoenicurus*), овсянок (*Emberiza*). К водоемам тяготели разные виды и подвиды трясогузок (*Motacilla*), огари (*Tadorna ferruginea*), чайки (*Larus*) и крачки (*Sterna*), бакланы (*Phalacrocorax carbo*). Некоторых из встреченных пернатых, несомненно, следовало считать нашими «земляками» — ведь в конце сентября через Тибетское нагорье пролетает немало мигрантов из Сибири. В долине Цангпо мы отметили и немногочисленных «южан», расселившихся из лесных субтропических предгорий Гималаев — мышиную куртаницу (*Garrulax henrici*), гималайскую зеленушку (*Chloris spinoides*) и пеночку Тикелла (*Phylloscopus affinis*).

Однако наибольший интерес для нас представляли тибетские эндемики. Тибетское плато — центр разнообразия группы земляных и снежных воробьев (роды *Pyrgilauda* и *Montifringilla*). В отличие от «настоящих» воробьев рода *Passer*, эти птички не тяготеют к поселкам, городам и древесным насаждениям, а обитают в горно-степных ландшафтах. Образом жизни они скорее напоминают жаворонков, много и хорошо летают, совершая протяженные кочевки во внегнездовой период, а гнездятся под камнями, в трещинах скал, норах грызунов и пищух. Правда, земляной воробей Бланфорда (*Pyrgilauda blanfordi*) все же не упускает возможности поживиться крошками, оставшимися от туристов. Стайки этих маленьких симпатичных птичек, снующих по земле как мыши, мы наблюдали и фотографировали на двух смотровых площадках, откуда открывается вид на озера Намтсо и Ямдзо-Юмцо. Немного выше, на скалах держались выводки более осторожных снежных воробьев Адамса (*Montifringilla adamsi*). Представители еще двух видов — красношейный во-

Тибетская ложносойка.

робей (*P.ruficollis*) и воробей Тачановского (*P.taczanowskii*) — встретились нам только в окрестностях крупного поселения черногубой пищухи (*Ochotona curzoniae*). Зверьки облюбовали луговую пойму ручья и «выстригли» здесь траву до состояния изумрудного газона, но не ровного, а с кочками, черными «дырками» нор, торчащими там и тут камнями. Земляные воробьи обоих видов сидели у входов в норы попеременно с пищухами, перелетали поодиночке и стайками, дрались друг с другом, мелодично пересвистывались со зверьками-соседями. Весь антураж напоминал фантастический «сад камней».

Но, пожалуй, самого удивительного представителя пернатых нам удалось увидеть в предгорьях хребта Тангла-Шань, когда мы на полчаса остановились у палаток скотоводов-кочевников. Между камней и войлочных стен прыгали три невзрачные птички размером с воробья с пушистым буровато-дымчатым оперением и несоизмеренно длинным, чуть загнутым клювом. Птички копались в кучах мусора, изредка взлетали на деревянные столбики, к которым крепились оттяжки палаток, чтобы прочирывать простенькую песенку.

Это оказались тибетские ложносойки (*Pseudopodoces humilis*). Еще недавно их считали самыми маленькими представителями семейства врановых и сблизжали с пустынными земляными сойками рода *Podoces*. Один из видов этого рода — эндемик Средней Азии, саксаульная сойка (*P.panderi*), — был описан Г.И.Фишером, первым директором Зоологического музея МГУ, в 1821 г. и впоследствии хорошо изучен советскими орнитологами. Однако генетические исследования однозначно доказали, что тибетская ложносойка должна относиться к семейству синиц [19]! Сначала подозревали ошибку, но более пристальное изучение морфологии и биологии вида, а также особенностей локомоции, показало, что генетики правы, сходство этой птички с пустынными сойками — чисто внешнее, и вызвано не общностью происхождения, а некоторым сходством условий обитания.

Тибетская ложносойка ведет себя как синица, строит похожие гнезда в укрытиях и даже по земле прыгает, а не бегает, как представители врановых — пустынные сойки. И во всем этом мы убеди-

лись воочию, понаблюдав за птичками. Впору переименовывать эту малышку из ложносойки в земляную синицу! Встреча с замечательным эндемиком Тибета и Западного Китая стала для нас настоящим подарком.

Домой, по звериному следу

Огорчение от неизбежного расставания с Тибетом было глубоким и всесторонним. Хотелось выскочить из поезда и бежать к рекам с удивительно голубой водой — ведь до сих пор никому точно неизвестно, кто в них живет, описания ихтиофауны этих мест очень скудны, а порой и противоречивы. Мечтали поставить фотоловушку на высоченном перевале, где проходят тропы многих зверей.

И, конечно, хотелось подольше побыть среди людей, которые живут так далеко от нас, но едят пельмени и ходят в одежде, называемой «чуба», и шапке, удивительно похожей на треух. Кочевые тибетцы используют не юрту, как другие кочевни-

ки Азии, а большие палатки; «сии палатки четырехугольны, имеют вид избы русской», — писал Н.Я.Бичурин в комментариях к «Описанию Тибета».

Однако утешало, что Россию и Тибет, связывают, оказывается, не только следы великих путешественников, но и звериные тропы, некоторым из них многие тысячи лет. И мы очень надеемся, что современные молекулярно-генетические методы позволят нам увидеть древние цепочки звериных следов в цепях ДНК.

К тому же за время короткого, но очень насыщенного путешествия, в каждом из нас крепла идея о том, как здорово было бы скооперироваться с китайскими коллегами и организовать полноценную комплексную экспедицию в эти края. Поставить палаточный лагерь подальше от населенных пунктов и пожить пару месяцев между горами и каким-нибудь озером, наблюдая за животными, птицами, рыбами, насекомыми, изучая растения.

У нас нет ни малейших сомнений, что на этом пути любого исследователя ждет масса открытий.

Мы настолько увлеклись этой идеей, что уже стали прикидывать маршрут будущей экспедиции, процесс его согласования с китайской стороной, источники финансирования, набор необходимого оборудования... Да, это сейчас только мечта. Но ведь точно также каждый из нас еще совсем недавно мечтал попасть в Лхасу и не верил, что это возможно. Так что, кто знает...

Это краткое, но очень насыщенное путешествие в Тибет многое изменило в нашем зоологическом и просто человеческом сознании. Вспоминая те осенние дни в окрестностях Лхасы, мы всегда будем надеяться вновь вернуться в это удивительное место. Наша поездка ни за что не состоялась бы без всесторонней поддержки академика Ю.Ю.Дгебуадзе, профессора Сун Ю-Хуа и доктора Фанг Юна. Мы очень благодарны им! ■

Литература

1. Гедин С. В сердце Азии. Памир. — Тибет. — Восточный Туркестан. Т.1. СПб., 1899.
2. Коблик Е.А. На южных задворках Тибета // ЭКЗО. International Magazine on Wildlife & Exotic Lifestyle. 2004. №12. С.54—65.
3. Козлов П.К. Тибет и Далай-Лама. Петроград, 1920.
4. Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи. Казань, 1811.
5. Пржевальский Н.М. Природа и животные Северного Тибета // Природа. 1875. Кн.2. С.1—30.
6. Пржевальский Н.М. Четвертое путешествие по Центральной Азии. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима. СПб., 1888.
7. Кожевников Ю.П., Украинцева В.В. Тундростепи плейстоцена: аргументы «за» и «против» // Изв. АН. Сер. географическая. 1997. №3. С.96—110.
8. Blinnikov M.S., Gaglioti B.V., Walker D.A. et al. Pleistocene graminoid-dominated ecosystems in the Arctic // Quaternary Science Reviews. 2011. V.30. P.2906—2929.
9. Deng T., Wang X., Fortelius M. et al. Out of Tibet: Pliocene Woolly Rhino Suggests High-Plateau Origin of Ice Age Megaherbivores // Science. 2011. V.333. P.1285—1288.
10. Hassanin A., An J., Ropiquet A. et al. Combining multiple autosomal introns for studying shallow phylogeny and taxonomy of Laurasiatherian mammals: Application to the tribe Bovini (Cetartiodactyla, Bovidae) // Molecular Phylogenetics and Evolution. 2013. V.66. P.766—775.
11. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1997.
12. Кузнецов Б.И. Тибетская легенда о происхождении человека от обезьяны // Доклады по этнографии. Л., 1968. Вып.6. С.26—32.
13. Козлов П.К. Монголия и Кам. Т.1. Ч.2. СПб., 1906.
14. Gozlan R.E., Andreou D., Asaeda T. et al. Pan-continental invasion of *Pseudorasbora parva*: towards a better understanding of freshwater fish invasions // Fish Fisheries. 2010. V.11. P.315—340.
15. Xie Y., Li Z., Gregg W.P., Li D. Invasive species in China — an overview // Biodiversity and Conservation. 2001. V.10. P.1317—1341.
16. Махров А.А., Артамонова В.С., Карабанов Д.П. Обнаружение амурского чебачка *Pseudorasbora parva* (Temminck et Schlegel) (Actinopterygii: Cyprinidae) в бассейне реки Брахмапутра (Тибетское плато, Китай) // Российский журн. биологических инвазий. 2013. №1. С.66—74.
17. Дас С.Ч. Путешествие в Тибет. СПб., 1904.
18. Lourenço W.R., Qi J. Mountain scorpions: a new genus and species from Tibet (China) // C.R. Biologies. 2006. V.329. P.289—295.
19. James H.F., Ericson P.G.P., Slikas B. et al. *Pseudopodoces humilis*, a misclassified terrestrial tit (Paridae) of the Tibetan Plateau: evolutionary consequences of shifting adaptive zones // Ibis. 2003. V.145. P.185—202.